КАЛИФЪ-ХУДОЖНИКЪ.

Въ времена славныя знаменитыхъ калифовъ Египта и Аравіи, въ баснословныя Гарунъ-аль-Рашида, великаго времена Мохаммедъ-Магоди, Гади, внука сына Абу-Джяфаръ-ель-Малура, правнука явился въ Багдадъ правовърномъ гяуръ; иные говорили, что онъ былъ джехудъ, другіе; саг діанъ, жидъ; что онъ индѣецъ; достовърно огнепоклонникъ, былъ свъдущъ онъ TO, ЧТО только чернокнижествѣ, ЧТО не ночь И рѣдѣя, разступаться передъ зарею и заря расплываться всемірнымъ востока СЪ днемъ, – день не смѣлъ, померкая, угасать темной ночи безъ мановенія этого ВЪ чернокнижника. Извъстно, что сатана, искушая учителя правовърныхъ, Солеймана, и клевеща на него, зарылъ подъ черной престоломъ книгъ его девять премудрости. Солейманъ остался чистъ и невредимъ, эти впослъдствіи HO КНИГИ

сгубили не одну правовърную душу, и этотъ джехудъ или сагдіанъ какимъ-то случаемъ воспользовался сатанинскими книгами неимовърныя. творилъ чудеса отуманиваль чувства правовфрныхъ до того, иногда заводилъ цѣлую богомольцевъ, идущихъ послушно на зовъ голосистаго азанчи, заводилъ ихъ, говорю, мечети, синагогу ВЪ капище – и радовался въ адской душъ своей, когда строгій кади справедливаго калифа отщитываль всъмъ имъ въ пятки по сотнъ палей на брата; онъ, чернокнижникъ будущее этотъ, зналъ гадалъ И прошедшее, но онъ не былъ всевъдущъ, а посредствомъ сатанинскаго дѣлалъ ЭТО знанія своего и употребляль на заклятія увѣрялъ свои, народъ, какъ правовърныхъ. Толпа роптала громогласно, жалобы дошли до калифа, и Гарунъ-аль-Рашидъ, по обыкновенію своему, хотълъ извѣдать справедливость молвы, самъ которой не върилъ.

Знахарь жилъ въ садахъ, среди виноградниковъ, въ тъни богатыхъ и

роскошныхъ плодовыхъ деревъ, ВЪ отъ столицы разстояніи. значительномъ Калифъ вышелъ изъ потаенныхъ дверецъ замка своего, когда ясный и прохладный заступилъ, соизволенію ПО чернокнижника, мѣсто знойнаго дня, мощный повелитель побрелъ невидимкою, въ простомъ кафтанъ и небогатой чалмъ, по заглохшему пути, проторенному прежними жителями обширной загородной дачи, гдъ филинъ, засълъ, словно нынѣ знахарь нашъ, который пѣшій не хаживалъ столицу, гдѣ бывалъ вообще очень рѣдко, а прилеталъ туда, сидя, поджавъ ноги, на черномъ бархатномъ крылъ дяди сатаны.

Если я застану его, думалъ просебя калифъ, надъ нечистымъ дѣломъ, если онъ дъйствительно, какъ мнѣ доносять, еще мусульманина похитилъ сегодня теперь его разлагаетъ варварски на части, ему, знахарю, миновать TO жестокой; если-же это клевета, безсильная злоба завистниковъ, какъ это часто въ міръ случается, и джехудъ этотъ – мудрецъ и честный, любознательный мужъ, — тогда....

этомъ словъ мыслей своихъ калифъ, который, подошедши уже къ самому жилью сагдіанца, увидъль свъть, и слъдуя ему, шелъ прямо, и ослъпленный блескомъ огня, не видалъ, что дълается у него подъ ногами, - упалъ, осунувшись по крутому обрыву въ глубокую яму, гдъ нѣсколькихъ товарищей нашелъ еще бъдствія. Всъ они сидѣли И ждали неминуемой гибели; волхвъ рѣзалъ ихъ, какъ барановъ, ежедневно по одному, крошилъ и ѣлъ, какъ увѣряли одни; клалъ кубъ и перегонялъ, какъ говорили другіе, кормиль псовъ своихъ, какъ думали третьи; словомъ, всѣ согласны были въ томъ, что имъ ножа не миновать, и даже всъ знали очередь свою: чернокнижникъ вынималь и рѣзаль ихъ всѣхъ въ томъ порядкѣ, день-за-день, какъ они попадали въ ловушку. Тутъ было, кромъ калифа, четыре человъка, итакъ – ему оставалось еще четыре дня сроку.

Калифъ, повелитель пол-міра, — въ рукахъ у человѣкоядца, въ нечистой ямѣ, безъ помощи и безъ пособія.... Утромъ еще

калифъ, а къ ночи — сайга въ капканѣ, ожидающая вѣрной смерти отъ ножа... Это заставитъ призадуматься хоть кого, а самого калифа и подавно. Отъ скуки и съ отчаянья, калифъ, сидя на соломенномъ одрѣ своемъ, перебиралъ въ пальцахъ соломенки, одну за другою, — и вдругъ мысль, какъ молнія, сверкнула въ головѣ его.

Онъ выбралъ лучшія и длиннъйшія соломенки, сложиль ихъ по порядку, сталъ переплетать другими — и, въ теченіе четырехъ сутокъ, кратковременнаго срока жизни своей — совершилъ вещь, достойную не ремесленника — художника. Это была цъновка, испещренная прихотливыми и удивительными узорами; невозможно было глянуть на эту работу, не прельстившись ею; нельзя было не почувствовать въ душъ какое—то уваженіе къ умному и искусному художнику.

Но срокъ насталъ: утро, дарованное Багдаду волхвомъ, настало, и людоѣдъ явился со всѣмъ ожесточеніемъ своимъ за

четвертою жертвою: прочіе были уже, поочередно, заколоты, въ глазахъ калифа.

Стой! сказалъ калифъ, заклиная убійцу своего, стой, и дай мнъ вымолвить два слова: Я твой, и рукъ твоихъ не миную; но воть вещь, которую я сдълаль, купить у тебя еще одинъ день покаянія; я грѣшникъ, какъ всъ мы, И жажду обътованнаго рая, какъ и всъ. Возьми цъновку эту и отнеси ее ко двору, къ визирю, къ казнодару; онъ несомнѣнно купить ее для великаго калифа, и дасть тебъ большія деньги: работа, ты видишь самъ, не буднишняя, и чего-нибудь стоить, а мнъ дай за это сутки сроку.

Чернокнижникъ прельстился этимъ предложеніемъ: и кого не смутитъ, не прельститъ золото?

Спрягайте глаголы эти со всѣми возможными личными мѣстоименіями и на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ, во всѣхъ залогахъ, временахъ, числахъ и лицахъ, — и вы увидите, что всякаго можно смутить и прельстить, было-бы только чѣмъ!

Итакъ, чернокнижникъ нашъ, принявъ бъднаго ремесленника, понесъ цъновку въ столицу, ко двору калифа, а узнику своему далъ еще день Визирь принялъ художественное произведеніе уваженіемъ СЪ И вниманіемъ; – такъ училъ его въ былое калифъ, который время самъ теперь пропадаль уже четверы сутки безвъсти. Визирь приняль поданную ему цѣновку, ее съ любопытствомъ разглядывалъ тщательно всматривался въ кудрявые узоры ткани, причудистые И вдругъ «Я, калифъ прочиталъ: Гарунъ-аль-Рашидъ, сижу въ неволѣ у невърнаго жида, который продаеть визирю мою работу; если я не буду спасенъ сегодня, то завтра меня не найдутъ вживыхъ».

Нужно-ли вамъ говорить конецъ? Чернокнижника схватили, и чтобы онъ не ушелъ посредствомъ тайной, нечистой науки своей, сожгли его на мѣстѣ; Калифа отыскали, освободили, при громогласномъ и оглушительномъ ликованіи народа, принесли на рукахъ въ столицу и посадили

на престоль; а первый фермань, изданный воскресшимь и воцарившимся калифомь, состояль въ томь, чтобы всѣ безъ исключенія вельможи обширнаго царства его обучали дѣтей своихъ какому-нибудь ремеслу или художеству.